

известия. 1999 — 18 февр. — с. 7

Реклама Вместо искусства

Концерт певицы Любови Казарновской

Петр ПОСПЕЛОВ

Нет, было бы глубокой неправдой считать, что вся наша музыкальная жизнь скорбна и печальна; однако горестных сторон в ней достаточно. И если кому-нибудь угодно иметь красочный пример, то вот он — прошедший на днях в Большом зале консерватории концерт оперной дивы Любови Казарновской.

Успех события всегда складывается из основных компонентов: реклама — исполнение — восприятие. Как показывает практика, третий компонент часто в большей степени зависит от первого, нежели от второго. Так и случилось на этот раз. Свое возвращение в родные пределы международная знаменитость обставила с шиком — телевизионные интервью, эффектные фотографии в газетах, наконец, афиша концерта, где рядом с именем певицы красовалось имя известнейшего американского бас-баритона Саймона Эстеса. Перед самым концертом Эстес прислал телеграмму о том, что заболел и не приедет. Можно представить, сколько лавров нашей прима добавило же соседство обаятельного чернокожего великана, — но нет худа без добра, раз можно было сверкнуть в раз-рекламированном концерте в доблестном одиночестве.

Последние годы г-жа Казарновская пела больше на западных сценах, чем у нас, появившись только в «Саломее» Р. Штрауса у Гергиева в Мариинском театре. Уже тогда это было сильно неудачно (голос певицы не имел и доли требуемой мощи), но по сравнению с нынешним выступлением, где Казарновская спела заключительную сцену, теперь вспоминается как верх мастерства. Удачно начав мировую карьеру (темпераментной русской артисткой заинтересовался сам Караян), Казарновская повторила путь многих русских певцов, поставленных на поток бизнеса. Ее голос в нынешнем состоянии впору сравнить с разбитой весенней дорогой. Вместе с тем красота, обаяние и опыт придают клудат публике на лопатки; знает Казарновская и про стандарты культурного европейского пения — она не голосит, почти не форсирует, а количество так называемых «нюансов» в ее пении доходит до опасной избыточности. В результате вокал Казарновской оказывается неким мутантом, в котором болезненно срослись тонкости и технические недостатки. В этом немислимо пестром товаре нигде не найдешь ровного, чистого тембра, гомогенных красок. Относительно корректно звучит лишь середина, и то если певица не стремится плотно окрасить

ее, а как бы мило напевает. Низов нет; верхи же делятся на два рода: пустоватые на piano и сипло-дряблые, иногда откровенно визгливые на forte — в обоих случаях неточные и с ненужным вибрато. Нас часто спасает то, что услышать певицу сквозь оркестр просто не удастся.

Такими средствами г-жа Казарновская решила преподать нам сцены и арии из классических опер, представив в первом отделении юных дев (Татьяну из «Онегина» и Саломею), во втором — цветущих и страдающих героинь Верди, Чилеа и Каталани. Лишь один номер был спет хорошо — Колыбельная Гершвина на бис. Возникал естественный вопрос: а не стоило ли бы певице, раз уж ее нынешняя форма столь плачевна, перейти на что-нибудь менее обязывающее, например, на камерные миниатюры, где можно пустить в ход актерские краски, или на романсы под гитару? Впрочем, предыдущий опыт Казарновской в джазовом жанре (она пела программу Гершвина с саксофонистом Игорем Бутманом и оркестром Олега Лундстрема) был столь же мало блестящ: эстрадная стилистика требует своего мастерства, отсутствие которого звезда стремилась компенсировать сверкающими костюмами, шубками и дилетантскими танцевальными па.

ВИКТОР АХЛЮМОВ

Искусству Любови Казарновской лучше внимать с выключенным звуком

На этот раз певице помогал полумифический оркестр телевидения и радиовещания, игравший так, как может играть с листа оркестр, случайно составленный из музыкантов других оркестров. Концертмейстер оперы Сан-Франциско Питер Грюнберг (благодаря его участию концерт, лишившийся Саймона Эстеса, все же остался «российско-американским оперным проектом») не проявил чудес дирижерского искусства. Не было бы особого смысла столь подробно

описывать честный неуспех, если бы не публика.

Публика хлопала до упаду, и ее можно понять: слушатель — не музыкальный критик, для которого поход в концерт — работа. А признаться самому себе, что ты зря потратил дорогой вечер своего трудового дня, му-чительно и тяжело. Чтобы вконец отогнать от слушателя подобные мысли, требуется еще кое-что — без конца рассказывать со сцены истории о величии и мировых успехах героев концерта (что и делала, ошибаясь в име-

нах и фамилиях, популярная телеведущая Ангелина Вовк), о том, как невероятно трудно было организовать подобное исключительное событие, носить горами цветы, плюшевые игрушки и фарфор — в чем от души постарались дарители из дружественных фирм и Фонда... самой Любови Казарновской.

Разумеется, в зале был и нежелательный процент настоящих ценителей вокального искусства — известие о болезни Саймона Эстеса дошло до них несколько поздно.